

УДК 81`23`42`367`373.612.2

РОМАНЕНКО Виктория Андреевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры функциональной лингвистики Института языка и литературы Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко;

Тирасполь, Молдавия;

e-mail: vita28-28@mail.ru; тел.: +373(533)71136

ИОН Антонина Александровна,

учитель высшей категории Гимназии № 1 г. Бендеры; Бендеры, Молдавия;

тел.: +373(533)56876

ИНДЕКСАЛЬНО-МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП РЕЦЕПЦИИ ТЕКСТА

Аннотация. Совокупность опорных слов текста и их актуализированных сем формирует различные типы парадигм, выделение которых во многом зависит от читательской рецепции. В статье говорится об одной из ключевых функций метонимии — рецептивной, суть которой заключается в способности метонимии продлевать эффект восприятия текста, образа. В результате это приводит к более полному и осознанному раскрытию эстетического содержания объекта, в том числе и такого сложно-организованного феномена, как индексально-метонимический символ. Синергетическая концепция точки бифуркации находит своеобразное преломление в изучении символа как высшего модуса проявления метонимического индексального знакаобраза, прочтение которого во многом опирается на рецептивный опыт адресата.

Ключевые слова: метонимия, символ, рецепция, текст.

Метонимия способствует эффекту продления восприятия — сотворчеству, когда реципиент участвует в раскрытии формально объективированного эстетического содержания объекта, ситуации, текста. В этом нам видится рецептивная функция метонимии. Известно, что наиболее яркие *актуализации* (термин рецептивной эстетики) — превращения детали в целостный образ, мимолётного эпизода в развёрнутую картину и прочее — вызываются не законченными, полными описаниями, а фрагментами, деталями как жеста-индексами в широком смысле слова. При метонимическом способе восприятия информации реципиент способен менять угол зрения на объект с целью выделения нужных смыслов, укрупнять опорные пункты текста. Выявить концепт текста путём поэтапного установления значимости синтаксических и семантических связей в системе целого позволяет метод герменевтического круга. «Концепт текста», по А. А. Брудному [7], может видоизменяться по мере последовательного развития ситуации под влиянием перемещения мысленного центра от одного элемента к другому.

Со стороны оформления пространства текста метонимическими участками появляются фрагменты, способствующие лучшему запоминанию информации, стимулирующие воображение с помощью большей степени смысловой компрессии. К ним относятся, прежде всего, заголовки, зачин и концовка, а также фрагменты, выделенные метаграфически (шрифт, курсив, разрядка, подчёркивание, цвет и прочее). Эти приёмы рамочного оформления достаточно хорошо разработаны в публицистике, рекламе. «Фактор эффекта края» [11, с. 113, 116] или проблема «рамы» в семиотике изображения [см.: 22], а затем и в вербальной семиотике не даёт смыслу растекаться до беспредельности, переходить грань, отделяющую искусство от жизни. Средствами метонимической компрессии текста являются также послетексты (метатекст) и интертекстуальные фрагменты. Вот почему «...Запоминание и воспроизведение целого смыслового отрывка является не столько процессом его непосредственного запечатления и «считывания», сколько процессом его сложнейшей реконструкции — выделения основных смысловых компонентов, анализа их соотношений и восстановления тех смысловых схем, которые образованы этими компонентами» [16, с. 267].

Метонимическая реконструкция может осуществляться по модели, предложенной И. А. Зимней [11, с. 319–320]: на первой ступени — получение информации; на второй — идентификация выделенных из общего фона объектов восприятия; на третьей — интеграция получаемой информации с прошлым опытом; на четвёртой — оценка воспринятой информации; на пятой — интерпретация как продолжение субъективно-оценочной обработки принятой информации с выявлением общего смысла, подтекста и т. д.; на шестой — интерполирование подтекста, намерения, предвосхищение будущего действия, прогноз; на седьмой — интроспективная оценка всего процесса.

В структурализме и традиционном языкознании понимание (герменевтика) интерпретировалось как универсальная категория, независимая от участников ситуации общения и определяемая значением языковых форм [см., напр., 19]. Однако было установлено, что понимание зависит от модели мира участников акта коммуникации и от «фактора интереса» [3, с. 300]. Герменевтика (греч. «толкую, разъясняю, перевожу») даёт возможность рассматривать слово, тексты не как имманентные структуры, смысл которых может быть истолкован для другого, будучи сам изначальным (интерпретация), а как метаструктуры, производящие индивидуальное или социальное знание, обращённое к рефлексивному слою сознания [см.: 8, с. 274]. Герменевтический подход к тексту позволяет выявить в нём коды культуры, если сам текст располагает ими. Для исследования таких макрознаковых семиотических

объектов, как театр, кино, балет, опера, ритуально-магические действия, в которых сообщение передаётся «синхронно и вместе с тем в различных ритмах» [4, с. 276] (декорации, музыка, свет, танец, речь, пение, пантомима), герменевтический подход остаётся незаменимым. С его помощью адресат может осознавать текст как политопическую структуру, сформированную из множества текстов, кодов и смыслов, вступающих в диалог друг с другом, т. е. как гипертекст. Т. Нельсон определил гипертекст как «множество текстов», позволяющих устранить монологичность [3, с. 31]. (Идея о первичности диалога по отношению к монологу высказывалась Л. П. Якубинским, М. М. Бахтиным). Отсюда требование применять дискурсивный (гипертекстовый) анализ глубинных уровней текста — подтекста, затекста, метатекста, надтекста, интертекста. Один из вариантов герменевтического подхода к анализу текста, знака является анализ частей с точки зрения целого и целого с точки зрения части — принцип герменевтического круга (Г.-Г. Гадамер). В герменевтике впервые внимание обращено на включённость текста в рамки диалога, дискурса, коммуникации [3, с. 315]. Произведение же мыслится как «эффект текста», зримый результат «текстовой работы, происходящей на второй сцене» [4, с. 40]. По мнению В. А. Лукина, «текст — последовательность знаков, воспринимаемая носителями данного языка в значительной мере инвариантно. Произведение — вариативное восприятие текста, в значительной мере индивидуальное для каждого читателя» [15, с. 58]. Бартовское понимание произведения соответствует фенотексту (по Ю. Кристевой) — «авансцене семиотического объекта», тогда как текст-письмо соответствует генотексту (по Ю. Кристевой) — «второй сцене», сфере неструктурированной смысловой множественности, обретающей структурную упорядоченность на уровне фенотекста (произведения). Согласно концепции Р. Барта, текст мыслится как часть дискурса, а произведение представляет собой застывший текст. Задача исследователя и читателя — «оживить» заложенные в произведении смыслы, герменевтические голоса, коды (смысловые, перцептивные, прагматические, культурно-исторические и прочие): «Текст понимается как пространство, где идёт процесс образования значений, т. е. процесс означивания (выделено нами). Задача исследователя текста не в том, чтобы зарегистрировать устойчивую структуру, а в том, чтобы произвести подвижную структуриацию текста (которая меняется от читателя к читателю на протяжении истории). Текстовый анализ не стремится выяснить, чем детерминирован данный текст: цель — увидеть, как он взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве. Задача — уловить и классифицировать коды (формы), через которые идёт возникновение смыслов текста, а не найти один из возможных смыслов текста, как в литературной критике герменевтического типа (стремящейся дать интерпретацию с целью выявления скрытой истины). Цель — помыслить, пережить *множественность* (выделено нами) текста» [4, с. 424]. Термин «герменевтический», как явствует из смысла цитаты, употреблен в значении *интерпретационный*. Термин *текст* в концепции Р. Барта понимается как *текст-письмо*, т. е. как дискурс. По Р. Барту, выделяются следующие основные коды:

1. Нарративный, поддерживающий событийную канву произведения.
2. Семантико-содержательный.
3. Символический (подтексты).
4. Культурно-исторический, включающий субкоды (научный, риторический, социально-исторический) [см., напр.: 4, с. 455].
5. Герменевтический (надтекст).
6. Метаязыковой [4, с. 431; см. также 5].

По мысли учёного, «текстовый анализ (дискурсивный — В. Р.) требует, чтобы мы представляли себе текст как ткань или переплетение разных голосов, многочисленных кодов, одновременно перепутанных и незавершённых» [4, с. 459]. Для *распутывания* сложной ткани текста, в первую очередь, подходит компонентный (семический) анализ, зародившийся в американской антропологии и этнолингвистике и примыкавший к теории «семантических полей», где возникло представление о том, как вокруг некоторого концепта формируется ансамбль элементов [17, с. 66–67].

От степени информированности читателя зависит выделение психологического сказуемого, «психологического предиката», ремы высказывания [11, с. 76–77]. Замысел произведения симультанно воплощается в пространственно-понятийной схеме и в схеме временной развёртки. Пространственно-понятийная схема — сетка соотношения понятий, поле номинации, где действует критерий осмысленности, лингвистический опыт, чувство языка, знание узуса — условий и правил употребления единиц. Схема временной развёртки выявляет «грамматику мысли» [11, с. 260–261], которая есть отражением логики событий. Здесь создаётся поле предикации и определяется порядок следования понятийных комплексов образования мысли. В аспекте изучения метонимизации актуальна методика целевой интерпретации текста. Если у субъекта создана целевая установка на определённый аспект текста (идея, образ коммуникатора, запомнить общее впечатление и т. д.), то он оперирует не со всем текстом, а только с частью, несущей эту информацию [14, с. 240–241]. Таким образом, разночтения текста зависят как от поливокальности самого текста (множественность голосов), так и от герменевтической практики читателя. Установлено, что «Заполнение семантического пространства текста различными типами ключевых слов (текстемами, контекстемами, идеологемами, аксиологемами, колорными полюсами (...), которые по своему существу являются выражением авторских смыслов — замыслов, создаёт тот интерпретационный фон, который следует дешифровать читателю» [9, с. 118]. В силу дискретного характера индивидуального восприятия речи, текста в процессе чтения происходит укрупнение смысловой информации путём выделения опорных смысловых пунктов текста. Смысловая перспектива ключевых слов намного глубже их значения, представляющего собой лингвосоциальное обыденное, научное знание о предмете, процессе, признаке, актуальное в данную эпоху данного языкового мыш-

ления [9, с. 109], в то время как смысл представляет собой психофилологическое знание о предмете, процессе, признаке, рождённое в определённом тексте и допускающее авторское / читательское толкование [9, с. 109]. Лексическое значение воспринимается как многокомпонентное семантическое поле [20, с. 55], организованное сигнификативными, денотативными и коннотативными компонентами. Сам термин «денотат» двойствен, обозначая и конкретный предмет, и обобщённое представление о нём или целом классе однородных предметов. Кроме сигнификативного, денотативного и коннотативного компонентов выделяют и этнокультурный компонент [20, с. 62]. Последний представляет собой отражение в значении национально-специфического восприятия тем или иным народом реалий, фрагментов действительности и даже чистых конструкторов народного сознания [20, с. 62–63].

По мнению Р. Барта, лингвистика стремится не к устранению языковых двусмысленностей, но к их пониманию, к их институированию. Явление, с давних времён известное поэтам под названием суггестии (внушающая сила слова), сейчас начинает привлекать внимание лингвистов, которые пытаются придать научный статус самой переловчатости смыслов [4, с. 352].

В конкретной речевой ситуации знаки приобретают коммуникативный характер. В языке денотативно-сигнификативная отнесённость знака формирует его значение; в речи же она формирует смысл знака, (ситуативное, актуальное значение). Различие между значением и смыслом раскрывает следующее определение: «... *Значение* составляет семантическую категорию инактуального языка, а *смысл* — семантическую категорию актуального языка (речи. — В. Р.).

Значение — это бывший и тем самым застывший смысл, переведённый из живой ситуации, из повседневной практики в систему данного инактуального языка и выступающий в качестве внутренней, семантической стороны языкового знака (означаемого), закреплённого за внешней, звучащей стороной языкового знака (означающим); значение связано с действительностью только через посредство актуального смысла, инактуальным коррелятом которого является и для выражения которого оно служит. Именно значение является одним из компонентов актуального смысла в познавательной и коммуникативной деятельности людей. Следовательно, значение относится к смыслу так же, как инактуальный язык относится к актуальному, т. е. как средство к цели» [10, с. 22–23]. Как подчёркивал Ю. С. Степанов, обобщая выводы Г. Фреге и А. Черча, «... значение слова — это тот предмет или те предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо, а *концепт* — это смысл слова» [21, с. 44]. Таким образом, различают, с одной стороны, «референцию говорящего» (отношение имени к предмету, которое устанавливает говорящий) и «семантическую референцию» (отношение того же имени к предмету, которое заранее установлено системой языка) (С. Крипке) [цит. по: 21, с. 22–23].

По Е. И. Дибровой, «... смысл — это речевая реализация языковой потенции, это индивидуальное, личностное отношение, возникающее под влиянием всех психологических контекстных факторов. (...) Семантика единиц, не соответствующая лексикографической нормативности и выводимая из контекстного употребления, является авторским личностным смыслом, возникающим под влиянием собственного мнения, намерения, понимания» [9, с. 109]; «Значение единицы при её смысловом преобразовании оказывается под игом психологизма и материальности обстановки; экспрессивная волна коммуникативно-когнитивного акта поглощает исходную первичность значения, рождая либо двуплановость значения ↔ смысла, либо собственно контекстную семантику» [9, с. 110]. Современные исследователи неоднократно подчеркивают, что первичное значение может составлять ядро смысла, но может оказаться и на периферии. Разграничивая содержания терминов «значение» и «смысл», О. А. Леонтович утверждает, что «значение внеконтекстно, неинтерактивно и статично; смысл в свою очередь контекстуально обусловлен, интерактивен и динамичен», «смысл всегда в той или иной степени культурно маркирован, если культуру понимать широко и считать, что контекст (как внутренний, так и внешний) всегда культурно обусловлен» [13, с. 19]. Единицы, трансформирующие или модифицирующие словарное значение слова (интенсификаторы), располагаются в непосредственной близости к слову либо дистантно. Происходит монтаж нового смысла, в соответствии с законом *семантического согласования* (Э. В. Кузнецова). Влияние контекста на изменение смысла знаковой единицы было в свое время продемонстрировано Л. В. Кулешовым на примере кинотекстов [см., напр.: 24], а чешский филолог Я. Мукаржовский на примере литературных текстов показал зависимость каждого составного элемента от окружения его другими элементами. Поэтому неправомерно рассматривать слово только в аспекте его словарного значения, о чем в своё время писал А. А. Потебня: «Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это всё равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живёт, а как искусственно приготовлено для цели познания. Отсюда произошло то, что многие явления языка понимались ошибочно» [цит. по: 8, с. 298]. Идея семантической реконструкции при концептуальном анализе заключается в определении значения ключевых слов с учётом совокупности контекстов их употребления, дистрибуции типов связей [6, с. 136] и последующей интерпретацией смысловых различий в словоупотреблении.

Адресат может дискретно воспринимать различные аспекты семемы ключевого слова — собственно языковой, социопсихологический, прагматический, аксиологический, референтно-денотативный, сигнификативный, эстетический, образный и т. п. По наблюдению А. А. Зимней, разные слушатели (читатели) характеризуются разными шагами смыслового восприятия — дробными или крупными [11, с. 99–100]. Поэтому процесс квантования смысла сам по себе может рассматриваться как метонимический, когда накопление и обработка информации в процессе её восприятия осуществляется порциями, квантами (дискретно), создающими смысловое поле с опорными пунктами в виде ключевых

слов и доминирующих сем, синекдохически выделенных фрагментов «картины мира»). Доказано, что кажущаяся простота иных текстов в любом медиуме (дискурсе) является фикцией, так как всегда имеют место личностные подходы к сегментации действительности.

Совокупность опорных слов текста и их актуализированных сем формирует различные типы парадигм, выделение которых во многом зависит от читательской рецепции. «Связанность знаковых единиц текста, в конечном счёте, служит для повтора некоторого содержания, которое может составлять «тему отдельного абзаца, сверхфразового единства...», а в предельном случае целого текста. Данное явление получило название «изотопия» (А. Греймас) [цит. по: 15, с. 27]. Неоднородность семантического пространства текста создается неравнозначностью, «разновесностью» его знаков, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой [15, с. 105]. Так, Л. О. Чернейко выделяет анафорические (повтор ключевых слов), фреймовые, предикатные (синонимические) парадигмы [23, с. 458].

Фреймовая, или мифологическая (сущностная), парадигма выстраивает информацию о картине мира, хранящуюся в индивидуальном сознании. Здесь инвариант — сущее; варианты — его предикаты. Например, камень (сущее, имя фрейма) собирает «в пучок» такие предикаты, как «холодный», «тяжёлый», «серый»; его можно «бросить», «разбить», «нагреть» [23, с. 451].

Аксиологическая, предикатная, парадигма раскрывает мироощущение личности [23, с. 458]. Инвариант этой парадигмы — аксиологический предикат; варианты — имена фрагментов мира, составляющие индивидуальное аффективное поле [23, с. 458]. Метонимический принцип позволяет выделить в ряду членов предикатной парадигмы инвариантную сему, объединяющую разнородные объекты. Например, предикат «серый» является интегральным гиперпризнаком таких денотатов и, соответственно, закреплённых за ними слов, как «камень», «дом», «мышь», «костюм» и т.п. Объединение в парадигму денотатов-квазиобъектов происходит по принципу обертоно-аликвотного монтажа. Аликвотный монтаж (интеллектуальный, по С.М. Эйзенштейну) [1] текстовых кусков способствует извлечению из соотносимых слов их вторичного, часто символического смысла, проявляемого в контексте и отсутствующего в языковой парадигме. По аликвотному принципу в музыкальном тексте выделяются ноты, фактически не исходящие от звучащего тела, а производные двух обертонов, которые, сливаясь, образуют новый третий звук. «Эйзенштейн называет именем интеллектуального монтажа собирание кусков по признакам, которые отсутствуют в непосредственном материале изображения кадров и не могут быть непосредственно отысканы ни в одном из них, даже в виде физиологических раздражителей той или иной интенсивности.

Аликвотные ноты кинокадров возникают в куске как результат наличия скрытого в изображениях интеллектуального раздражителя, вызывающего их отвлечённое обобщение в сознании зрителя...» [1, с. 75]. На аликвотном принципе иногда строятся целые произведения, где «за кадром» может оказаться вся основная нарративная часть произведения, содержание которой выводится из рамочных фрагментов текста — зачина и концовки. Эллипсис текста, таким образом, подготавливает появление нарративной метонимии.

На эмпирической основе формируются парадигмы знаков образов по признакам, соответствующим тому или иному каналу перцепции. Внутри таких парадигм могут оформляться субпарадигмы. Например, в рамках визуальной парадигмы выделяют субпарадигмы словообразов, объединённых по семе «фактура», «цвет», «объём», «тон», «форма» и тому подобное. Эмпирический уровень парадигматики определяет денотативно-референтное поле текста.

На основе комбинации различных видов парадигм рождается такая полевая структура, как символ, изучение которой возможно в свете концепции нелинейных динамик, т. е. в свете концепции синергетики [18, с. 499; см. также 2]. Синергетика даёт новый образ мира, сложно организованного, становящегося, непрерывно возникающего [12, с. 15]. Синергетическая концепция точки бифуркации находит своеобразное преломление в изучении символа как высшего модуса проявления метонимического индексального знака образа, прочтение которого во многом опирается на рецептивный опыт адресата.

Литература

1. Аксёнов И. А. Сергей Эйзенштейн. Портрет художника / И. А. Аксёнов. — М.: Киноцентр, 1991 — 128 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Academia, 2002. — 394 с.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — 2-е изд. — М.: УРСС, 2003. — 360 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Роллан Барт; [пер., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова]. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
5. Барт Р. Мифологии / Роллан Барт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. — 320 с.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
7. Брудный А. А. Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. — М.: Лабиринт, 1998. — 336 с.
8. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Рус. яз., 1980. — 320 с.
9. Диброва Е. И. Пространство текста в композитном членении / Е. И. Диброва // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. — М., 1999. — С. 91–138.
10. Домбровский И. Знак и смысл / И. Домбровский // Вопросы языкознания. — М., 1973. — № 6. — С. 22–32.
11. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. — М.: Моск. психол.-социал. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. — 432 с.
12. Князева Е. Н. Одиссея научного разума: синергетическое видение научного прогресса / Е. Н. Князева. — М.: Изд-во Ин-та философии, 1995. — 228 с.
13. Леонтович О. А. Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов / О. А. Леонтович // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — М., 2008. — № 2. — С. 18–24.
14. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — М.: Смысл, Академия, 1999. — 288 с.

15. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: учеб. для филол. спец. вузов / В. А. Лукин. — М.: Ось-89, 1999. — 192 с.
16. Лурия А. Р. Письмо и речь: нейролингвистические исследования: учеб. пособие / А. Р. Лурия. — М.: ИЦ Академия, 2002. — 352 с.
17. Мейзерский В. М. Философия и неориторика / В. М. Мейзерский. — К.: Лыбидь, 1991. — 192 с.
18. Можейко М. А. Нелинейных динамик теория / М. А. Можейко // Постмодернизм: энциклопедия / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. — Минск: Белорус. дом печати, 2001. — С. 499–501.
19. Рузавин Г. И. Проблемы понимания и герменевтика / Г. И. Рузавин // Герменевтика: история и современность: критические очерки. — М.: Мысль, 1985. — С. 162–178.
20. Сологуб Ю. П. Структура лексического значения / Ю. П. Сологуб // Филологические науки. — М., 1997. — № 2. — С. 54–66.
21. Степанов Ю. С. Константы: словарь рус. культуры / Ю. С. Степанов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2004. — 992 с.
22. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский // Семиотика искусства. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — С. 9–218.
23. Чернейко Л. О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста / Л. О. Чернейко // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. — М., 1999. — С. 439–460.
24. Ямпольский М. Б. Эксперименты Кулешова и новая антропология актёра / М. Б. Ямпольский // Ноосфера и художественное творчество. — М.: Наука, 1991. — С. 183–199.

References

1. Aksjonov I. A. Sergej Ejzenshtejn. Portret hudozhnika / I. A. Aksjonov. — M.: Kinocentr, 1991 — 128 s.
2. Alefirenko N. F. Poeticheskaja energija slova: Sinergetika jazyka, soznanija i kul'tury / N. F. Alefirenko. — M.: Academia, 2002. — 394 s.
3. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku / A. N. Baranov. — 2-e izd. — M.: URSS, 2003. — 360 s.
4. Bart R. Izbranne raboty. Semiotika. Poetika / Rollan Bart; [per., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova]. — M.: Progress, 1989. — 616 s.
5. Bart R. Mifologii / Rollan Bart. — M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2004. — 320 s.
6. Benvenist E. Obshhaja lingvistika / E. Benvenist. — M.: Progress, 1974. — 448 s.
7. Brudnyj A. A. Psihologicheskaja germenevika / A. A. Brudnyj. — M.: Labirint, 1998. — 336 s.
8. Vereshhagin Je. M. Lingvostranovedcheskaja teorija slova / Je. M. Vereshhagin, V. G. Kostomarov. — M.: Rus. jaz., 1980. — 320 s.
9. Dibrova Je. I. Prostranstvo teksta v kompozitnom chlenenii / Je. I. Dibrova // Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta: dokl. VII Mezhdunar. konf. — M., 1999. — S. 91–138.
10. Dombrovolskij J. Znak i smysl / J. Dombrovolskij // Voprosy jazykoznanija. — M., 1973. — № 6. — S. 22–32.
11. Zimnjaja I. A. Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti / I. A. Zimnjaja. — M.: Mosk. psihol.-social. in-t; Voronezh: NPO «MODEK», 2001. — 432 s.
12. Knjazeva Je. N. Odisseja nauchnogo razuma: sinergeticheskoe videnie nauchnogo progressa / Je. N. Knjazeva. — M.: Izd-vo In-ta filosofii, 1995. — 228 s.
13. Leontovich O. A. Problema retransl'jacii i adaptacii kul'turnyh smyslov / O. A. Leontovich // Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. — M., 2008. — № 2. — S. 18–24.
14. Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki / A. A. Leont'ev. — M.: Smysl, Akademiya, 1999. — 288 s.
15. Lukin V. A. Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoi teorii i jelementy analiza: ucheb. dlja filol. spec. vuzov / V. A. Lukin. — M.: Os'-89, 1999. — 192 s.
16. Lurija A. R. Pis'mo i rech': nejrolingvisticheskie issledovanija: ucheb. posobie / A. R. Lurija. — M.: IC Akademiya, 2002. — 352 s.
17. Mejserskij V. M. Filosofija i neoritorika / V. M. Mejserskij. — K.: Lybid', 1991. — 192 s.
18. Mozhejko M. A. Nelinejnyh dinamik teorija / M. A. Mozhejko // Postmodernizm: jenciklopedija / A. A. Gricanov, M. A. Mozhejko. — Minsk: Belorus. dom pechati, 2001. — S. 499–501.
19. Ruzavin G. I. Problemy ponimanija i germenevika / G. I. Ruzavin // Germenevika: istorija i sovremennost': kriticheskie ocherki. — M.: Mysl', 1985. — S. 162–178.
20. Sologub Ju. P. Struktura leksicheskogo znachenija / Ju. P. Sologub // Filologicheskie nauki. — M., 1997. — № 2. — S. 54–66.
21. Stepanov Ju. S. Konstanty: slovar' rus. kul'tury / Ju. S. Stepanov. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Akademicheskij Proekt, 2004. — 992 s.
22. Uspenskij B. A. Pojetika kompozicii / B. A. Uspenskij // Semiotika iskusstva. — M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. — S. 9–218.
23. Chernejko L. O. Gipertekst kak lingvisticheskaja model' hudozhestvennogo teksta / L. O. Chernejko // Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta: dokl. VII Mezhdun. konf. — M., 1999. — S. 439–460.
24. Jampol'skij M. B. Eksperimenty Kuleshova i novaja antropologija aktjora / M. B. Jampol'skij // Noosfera i hudozhestvennoe tvorcestvo. — M.: Nauka, 1991. — S. 183–199.

РОМАНЕНКО Вікторія Андріївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри функціональної лінгвістики Інституту мови та літератури Придністровського державного університету імені Т. Г. Шевченка; Тирасполь, Молдова;
e-mail: vita28-28@mail.ru; тел.: +373(533)71136

ІОН Антоніна Олександрівна,

учитель вищої категорії Гімназії № 1 м. Бендери; Бендери, Молдова;
тел.: +373(533)56 876

ИНДЕКСАЛЬНО-МЕТОНИМИЧНИЙ ПРИНЦИП РЕЦЕПЦІЇ ТЕКСТУ

Анотація. Сукупність опорних слів тексту та їх актуалізованих сем формують різні типи парадигм, виокремлення яких багато в чому залежить від читацької рецепції. У статті йдеться про одну з ключових функцій метонімії — рецептивну, суть якої полягає у здатності метонімії продовжувати ефект сприйняття тексту, образу. У результаті це призводить до більш повного й усвідомленого розкриття естетичного змісту об'єкта, в тому числі і такого складного феномена, як індексально-метонімічний символ. Сinergetична концепція точки біфуркації своєрідно виявляється у вивченні символу як вищого модусу функціонування метонімічного індексального знакообразу, сприйняття якого багато в чому спирається на рецептивний досвід адресата.

Ключові слова: метонімія, символ, рецепція, текст.

Victoria A. ROMANENKO,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Functional Linguistics Department of Institute of Language and Literature of the Transnistrian T. G. Shevchenko State University; Tiraspol, Moldova;
e-mail: vita28-28@mail.ru; tel.: +373(533)71136

Antonina A. ION,

Teacher of the high category of High School No 1 in Bender; Bender, Moldova;
tel.: +373(533)56876

INDEX-METONYMY PRINCIPLE OF RESEPTION OF A TEXT

Summary. The set of key words of the text and their actualized semes generate various types of paradigms, the allocation of which depends on the reader's reception. The article deals with receptive function of a metonymy. Its essence has an ability of metonymy to prolong an artistic effect of the perception of any text or image. As a result, it leads to a more complete disclosure and conscious aesthetic content of the object, including a complex phenomenon as indexical-metonymic symbol. Synergistic concept of a bifurcation point has a peculiar refraction in the study of a symbol as higher mode of manifestation metonymic indexical sign image, understanding of which relies heavily on the experience of receptive experience by addressee.

Key words: metonymy, symbol, reception, text.

Статью получено 19.04.2014 г.

УДК 811.111'42:165.12

ИВАНЧЕНКО Андрей Валентинович,

преподаватель кафедры иностранных языков Одесского государственного экологического университета; Одесса, Украина;
e-mail: shiah@ukr.net; моб.: +38-097-1364841

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ В ЭКФРАСИСНЫХ ЭПИЗОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена семантическим ролям и их вербальной репрезентации в экфрасисных эпизодах, которые определяются как фреймовые ситуации, предусматривающие восприятие живописного полотна. Семантические роли субъекта и объекта в экфрасисном эпизоде и в реальной перцептивной ситуации не совпадают. Агентивный потенциал объекта значительно возрастает за счёт процессов персонификации и метаморфозы изображения в художественном произведении.

Явление экфрасиса — это своего рода связующее звено между словесным повествованием и объектом изобразительного искусства, таким образом, экфрасис представляет собой текст, создаваемый на стыке двух разных различных художественных систем, характерным признаком которого является выполнение дескриптивной функции. Результатом такого выполнения является передача эмоционально-стилистической составляющей художественного образа.

Описательная сила экфрасиса способствует лучшей передаче читателю вербальной информации, относящейся к произведениям изобразительного искусства. Особый интерес представляет эмоциональный аспект восприятия перцептом художественного полотна, когда изображённые на нём объекты обретают способность буквально «оживать» на безжизненном холсте и эффективным образом воздействовать на окружающих. Такое же или максимально приближённое к нему воздействие, как представляется, должен нести в себе и сам экфрасис, отвечающий за качественную передачу визуального компонента по маршруту «визуальный объект — перцепт — текстовый объект — читатель».

Экфрасис, будучи широко распространённым инструментом для описания визуально воспринимаемых объектов художественного творчества, всё же остаётся малоисследованным явлением.

Ключевые слова: субъект, объект, экфрасис, художественный текст, корреляция.

Особенности взаимодействия различных кодов художественного творчества в последнее время привлекают внимание всё большего числа исследователей [1; 2; 3; 4]. В связи с этим рассмотрение перекодировки иконических знаков в вербальные представляется весьма актуальным. Отдельные лингво-психологические аспекты перцепции рассматривались в ряде работ [5], однако в них не анализировались лингво-психологические особенности перцепции в экфрасисных ситуациях.

Подобный анализ, проводимый на материале художественного текста (ХТ) XIX–XX вв. и направленный на выявление специфики корреляции «субъект-объект» восприятия в экфрасисных эпизодах художественного текста, предпринимается впервые, что определяет новизну данного исследования.

В настоящей статье впервые подробно рассматриваются вопросы специфики взаимодействия субъекта и объекта перцепции и семантических ролей последних в экфрасисных эпизодах, которые определяются здесь как фреймовые ситуации, предполагающие перцепцию артефакта, а точнее рассмотрение и восприятия живописного полотна. Субъектом (S) при этом является наблюдатель (зритель), а объектом (O) произведение художественного творчества, в нашем случае — картина (живописное полотно или его репродукция).

В реальной действительности взаимодействие субъекта и объекта перцепции проявляется в двунаправленности процессов апперцептивного комплекса:

- 1) на порождение чувственного образа (в этом случае имеет место вектор «объект → субъект»);
- 2) на организацию перцептивной активности (здесь действует вектор «субъект → объект») [6].